

Введение

Логика допущения в модусах повседневности

Хотел бы сразу объясниться: почему я ввожу такое понятие, как «логика допущения» применительно к «повседневности», и что это означает? Если исходить из определения культуры в самом широком смысле, что культура это смыслополагание человека, то речь может идти о границах сознания. И эти границы выражаются конвенциональными моделями – типичными объяснениями, которые видоизменяются, заново моделируются в постоянной динамике перемен. Так вот вопрос заключается в том, что «исторические факты» не существуют сами по себе, а представляют собой актуальное самосознание человека во времени, словесно (или иным образом) выраженное для закрепления той фактичности (или интенциональности), которая определяется *логикой допущения* здесь-и-сейчас. Логика допущения – это сама причинно-следственная связь в конвенциональной модели (или в типичном объяснении), определяющая собой *границу* допускаемого и не допускаемого в конкретном времени. Культура существует как мировой океан, в котором каждая волна, идущая к берегу, сменяется новой волной. Волновое единство не отменяет того, что каждая волна по-новому соединяется с берегом, неповторимо.

Приведу пример. В «Послании на Угру» Вассиана Рыло монгольский царь не назван царем в самом начале послания, зато Иван Третий именуется и самодержцем, и царем, как будто не было вековой зависимости от Орды. Резкий переход осмысливается Вассианом как переход к новому царству, и, хотя нет еще венчанного царя, да и царства еще нет, а в логике допущения все это уже есть как мыслимое. Можно, конечно, сказать, – ну это только мыслимое! Само венчание на царство состоится в 1547 г. Однако это неверно. Вассиан предупредил Ивана Третьего, что если он бежит и станет «хоронякой», то вся кровь христианская будет на его совести. Иван Третий должен был, по словам Вассиана, выбрать: либо бежать из Москвы, как это сделал в 1382 г. великий князь Дмитрий Иванович, но в таком случае это будет признание власти монгольского царя как власти законной, либо – не бежать, и тогда Иван Третий превращается в самодержца, который не имеет выше себя никого, кроме Бога. Иван Третий склонялся к логике поведения Дмитрия

Ивановича, но реально поступил так, как в своих допущениях русского самодержавия и царской власти призывал сделать Вассиан Рыло. Реальность царской власти определяется по *последствиям* мыслительной деятельности – никак иначе. Допущение порождает новый горизонт, а признание нового горизонта порождает факты, события. Словом, факты сознания и есть факты истории. Логика допущения порождает границы будущего, и когда оно становится настоящим, например, в формальном венчании на царство, то возникают новые горизонты допускаемого – опять же мыслимого и одновременно реального по своим возможным последствиям.

Модель русского царя как верховного «пастыря», обоснованная Вассианом Рыло, просуществует века. Русское самодержавие возникает не на правовой основе, не в силу какого-то документа, а в силу допущения, согласно которому власть самодержца есть акт мистический, это личная ответственность перед Богом на Страшном суде за всех «подвластных»: никто и никогда в средневековой Руси не спрашивал – а где же закон о самодержавии?

В XIX в. общество потребовало конституционности для власти, возникло новое допущение и возник вопрос – можно ли русское самодержавие одним махом переделать в английскую конституционную монархию? Область допускаемого в эпоху радикального декабризма, выраженного в идее уничтожения царской семьи, не случайно так близко приближается к тому, что сделали большевики – но в другую эпоху и в другом контексте.

Подобных примеров много. Тут важно понять, как соединяется логика допущения с модусами повседневности. Я уже отмечал, что понятие «повседневность» нуждается в рефлексии¹. Ибо нет никакой повседневности вообще, абстрактной. Она всегда исторична и трудноуловима. А.М. Панченко в свое время ввел удачные термины для обозначения динамики меняющейся повседневности: обиходное и событийное. Добавлю к эти двум понятиям «логику допущения».

В обиходном всегда зреет своя *логика допущения* чего-то, что еще не стало событийным. И как только событийное обретает свои права быть жизненным миром – осмысленной повседневностью – оно становится обиходным. Так возникает своеобразный круговорот, в котором «логика допущения» является механизмом движения. Допущение коренится не в событийном, а в обиходном, являясь пусковым элементом изменений.

¹ Юрганов А.Л. Жизненный мир и модусы повседневности // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 9. С. 10–14.

Исследователю не дана вся повседневность, как не дан и непосредственно весь жизненный мир. О жизненном мире, его существовании мы узнаем по интерпретациям, которые порождает человек, о повседневности мы узнаем только через модусы ее проявления – то есть через те направления осмысленной ежедневности, которые определяют собой узкий спектр в сравнении со всей многомерной картиной жизненного мира. Таким образом, модусы повседневности в одной культуре могут и не совпадать друг с другом, могут отграничиваться друг от друга логикой *своего* обыденного существования. Вплоть до допущения нового – событийного. Словом, повседневность вся целиком – лишь абстракция, повседневность в модусах своего проявления реальна по присущим им логическим процедурам, которые улавливаются исследователем в исторических источниках.

В этом номере публикуются статьи, направленные на исследование механизмов существования культурных и языковых феноменов в разных модусах повседневности.

В статье академика А.В. Смирнова «Действие и субстанция: бани, вино и пальмы в классической арабской литературе» изучается то, как «движение» смыслов осуществляется в разных культурах. В греческой культуре утвердилось установление видеть всякое движение, всякое новое знание через неизменную сущность вещи, которая «делает ее ею и сохраняет ее устойчивость, несмотря на любые изменения»; арабо-мусульманская культура «научилась видеть и мыслить изменение как обновление действия, полагая само действие устойчивым и неизменным». Смирнов определяет это различие как два способа смыслополагания – через метафизику субстанции и метафизику действия. Оба эти способа можно обнаружить в функционировании языка – таким образом, классические тексты арабской культуры открываются перед исследователем своей процедурой допущения, которая выражается в способности мыслить и в логике субстанции, и в логике действия даже тогда, когда оба прочтения заключены в одной словесной форме.

В статье А.Е. Беликова «Повседневная экзотика в школьных риторических упражнениях Древнего Рима» рассматривается парадоксальная ситуация, когда школьные декламации и типические образы в упражнениях по красноречию, будучи по содержанию тираноборческими, не воспринимались как антимонархические или угрожающие императорской власти. Феномен «экзотики» исследователь обнаруживает в модусе повседневности школьного образования, в котором тираноборческое содержание упражнений воспринималось не более чем повседневная потребность школьных

преподавателей в изобретении риторических задач, необходимых для обучения ремеслу.

В статье Д.А. Редина «Коммуникативные диссонансы в повседневных практиках Петровской эпохи» изучается ситуация коммуникативного диссонанса, выраженного в том, что представители земских миров, используя традиционный язык допетровской эпохи, не понимали языка «рациональной политической культуры» Петровской эпохи. Редин изучает эффект семиотического «неузнавания». Этот эффект как нельзя лучше демонстрирует, что не было одной «на всех» повседневности: сталкивались между собой допетровская и новая Россия в разных модусах, имеющих свои, не совпадающие между собой причинно-следственные связи – границы сознания.

В статье П.Е. Спиваковского «Пушкин: этика и идеал в релятивизирующем контексте» рассматриваются «релятивистские тенденции» в поэме «Кавказский пленник» и трагедии «Пир по время чумы», которые выражаются во внешнем противоречии, когда сочувственное описание подвигов черкесов противоречит восторженному прославлению карательных действий российской армии на Кавказе. «Релятивистские тенденции», о которых пишет автор, – своеобразная иллюстрация того, что логика допущения выстраивает свои модусы культурной повседневности пушкинского времени.

В статье О.И. Киянской «“Демон пропаганды” и “mademoiselle Catherine”»: к истории несостоявшейся женитьбы декабриста М.П. Бестужева-Рюмина» изучается история несостоявшейся женитьбы на племяннице декабриста В.Л. Давыдова – Екатерине Бороздиной. Устанавливается взаимосвязь разных модусов повседневности, которые, будучи единовременными, отличались разными логическими предпосылками: одно дело – служба, другое дело – женитьба, третье дело – восстание. И в каждой ситуации действовали свои мотивации, подчас не совпадая друг с другом.

В статье В.Б. Аксенова «Слухи как феномен предреволюционной повседневности 1914–1916 гг.: функции, источники, сюжеты, последствия» рассматривается функционирование массовых слухов в сельской и городской средах накануне революции 1917 г. Делается акцент на том, что слухи создают «эмоциональное состояние социума», и, несмотря на фантастичность некоторых сюжетов, они выступают «важным источником для изучения общественных настроений».

В статье А.Л. Юрганова «“Чудак” на сцене и драматург в жизни: социокультурный контекст рождающегося сталинизма» исследуются два состояния в одной культурной среде. Драматург изобраа-

зил в пьесе настоящего энтузиаста социалистического строительства, Бориса Волгина, в образе которого видел своего друга Бориса Игрицкого, и одновременно ему же писал о состоянии политической неопределенности в текущем моменте, в котором пропадает и перспектива, и вера в будущее. Афиногенов подавлял критическое настроение в себе, осознавая, что ему, драматургу «генеральной линии», ничего не остается, как изображать новые решения партии, ставящие под сомнение всякого энтузиаста, выходящего за пределы исполнительства и бюрократической системы.

Статья М.П. Одесского «Категория *совесть* в советской литературе 1920-х гг. (на материале романа А.А. Фадеева “Разгром”)» посвящена двум интерпретациям понятия «совесть» – в дореволюционной ситуации и после революции. Оказалось, что словарные определения в словарях русского языка дореволюционных и послереволюционных дают разные определения, что есть «совесть». В словаре В.И. Даля совесть – это различение добра и зла (внутреннее сознание человека), а в словаре С.И. Ожегова – это «ответственность за свое поведение перед окружающими людьми, обществом» (коллективное сознание человека). Используя в качестве примера роман А.А. Фадеева, М.П. Одесский прослеживает эволюцию персонажей в направлении от первой интерпретации совести ко второй интерпретации.

В целом можно сказать, что исследовательский интерес при изучении повседневности в феноменах языка, культуры разворачивается в сторону выявления таких модусов, которые содержат скрытые или явные внутренние противоречия, а они, в свою очередь, позволяют думать о теоретических проблемах в понимании культурных практик. Одна из главных проблем сегодня, как мне кажется, заключается в том, чтобы любое понятие, используемое исследователем в анализе феноменов культуры, следует подвергать рефлексии. Различение языков описания, научного и исторической эпохи, – по-прежнему значимое поле исследовательских наблюдений.

Андрей Л. Юрганов